

Оленева Екатерина

Цвет надежды -
белый

БЕЛЫЕ ПАРУСА

16+

Екатерина Оленева

Белые паруса

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Оленева Е.

Белые паруса / Е. Оленева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Айрис Гордон считала себя сильной женщиной, способной справиться с любым вызовом. Но когда вызовом является признание любимого мужа в том, что ты больше не единственная женщина в его жизни, оставаться мудрой и бесстрастной сложно. Мечтая отомстить, Айрис отправляется на другой край света, где всё меняется местами - любовь и ненависть, верность и предательство, страсть и расчёт. Но пока над кормой реет белый парус надежда в сердце не умирает.

Содержание

Глава 1. Начало пути	5
Глава 2. Встреча	18
Глава 3. Заговор и договор	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Начало пути

«Дорогая Айрис, когда ты получишь это письмо, читать его для тебя будет так же мучительно, как мне мучительно писать эти строки. Но оставлять тебя в неведении о происходящем, значит, лгать, а я всегда считал, что человеку не следует прибегать к недостойным и жалким увороткам.

Я готов нести ответственность, хотя признание даётся мне нелегко. Как нележки будут и его последствия.

Айрис, я заслуживаю порицания, ибо я не верен тебе.

Вот уже несколько месяцев в моём доме (как и в моём сердце) живёт другая женщина. Возможно, в обществе, в котором мы живём, её сочтут недостойной уважения, но так сложилось, что на краю света, куда забросила судьба, у меня нет человека ближе и роднее её.

Как бы молва не чернила, не пятнала мой новый союз, я верю в твоё сердце, мой ангел – сердце, преисполненное доброты и великодушия, а потому заклинаю чувствами, которые когда-то мы друг к другу питали, не присоединяться к толпе тех, кто поспешил бросить свой камень.

Недостойный грешник, я надеюсь на твоё прощение и понимание.

Пусть небольшим для себя, но оправданием, считаю тот факт, что в последние годы мы с тобой виделись не часто и едва ли сказали друг другу больше пары десятка слов.

Встречи, столь же редкие, сколь и горячие, не могли не отдалить нас друг от друга. Привыкнув жить порознь, мы вряд ли благополучно ужились бы с вами под одной крышей. Судьбе угодно было не благословить наш союз детьми, поэтому я с лёгким сердцем прошу даровать мне свободу.

Зная Ваш гордый, независимый нрав, почти не сомневаюсь в ответе – Вы удовлетворите мою просьбу.

С уважением

Искренне сожалеющий о том,

какую боль и разочарование вынужден причинить –

Оливер Гордон».

Сентябрьское солнце всё так же заливало мягкими лучами гостиную, как и полчаса назад, когда Айрис в торопливом оживлении взламывала сургучовую печать на письме, привезённом с Ранерлика.

За окном всё так же, как час назад, тянулись вверх пикообразные тёмные тополя да бежали кудрявые барашки белоснежных облаков.

Лишь Айрис Гордон не находила больше окрестные пейзажи великолепными, а жизнь – прекрасной.

– Сколько раз ты намерена перечитать этот жалкий клочок бумаги? Взглядом тебе его всё равно не испепелить. Так что, если хочешь сделать это, могу протянуть свечу?

Помахивая длинной, перевитой нарядными лентами, тростью, произнёс, молодой человек лет двадцати-двадцати трёх.

Его лицо, вопреки легкомысленному тону, выражало озабоченность. Между бровей пролегла глубокая складка.

– Дорогая сестрёнка, неужели для тебя всё случившееся такая уж неожиданность? То, что твой драгоценный муженёк, до которого ты не допускала речей, спутался с этой шлюш... прошу прощения, с этой сомнительной особой, широко известно.

– Как её зовут? – бесцветным голосом спросила Айрис.

– Откуда мне знать? – попытался откеститься от ответа Роберт, но сник под требовательным взглядом сестры. – Каролина. Её зовут Каролина Мёрфи.

– Наверняка впереди фамилии следует ставить букву «О»? – презрительно скривилась Айрис.

И уточнила:

– Она ирианка?

Роберт легкомысленно пожал плечами в знак того, что происхождение любовницы свояка его интересует меньше всего на свете.

– Силы Небесные! – воскликнула Айрис, изо всех сил сдавливая пальцами подлокотники высокого кресла, в котором сидела. – Ты знал? Знал обо всём? И молчал?!

– Не хотел тебя расстраивать. К тому же, сестрёнка, у большинства мужчин бывают интрижки различной... хм-м, степени тяжести. А когда супруги живут порознь месяцами, чему тут удивляться? Но мне и в голову не могло прийти, что мужчина, находясь в положении твоего мужа, рискнёт требовать развода? Уверен, эта шлюх... прошу прощения, эта недостойная женщина, так вскружила ему голову, что он её (в смысле, голову!) окончательно потерял.

– Не желаю слышать! – прервала его Айрис, порывисто поднимаясь.

В руке её всё ещё подрагивало роковое письмо.

– Или, по-твоему, я сделала из камня? По-твоему, мне безразлично, что мой муж до такой степени влюбился в какую-то там вертихвостку из южных колоний, что готов разрушить и свою, и мою жизнь?

– Не безразлично! Конечно нет, Айрис! – горячо возразил молодой человек. – Но я считал тебя женщиной достаточно рассудительной и трезвой, чтобы...

– Чтобы – что?! Безропотно принять тот факт, что я была нужна только как приложение к собственным деньгам и связям? Что со мной считались лишь до тех пор, пока не могли без меня обойтись? А когда появилась надежда на другие статьи дохода, выкинули, как старую ветошь? По-твоему, брат, я должна принять это смиренно и стойко?

– Уверен, всё не так. Конечно же, лорд Гордон бесконечно тебя уважает...

– К чёрту уважение! Все эти годы я не уважения добивалась, а любви! Я была мудрой и терпеливой. Я всю денежную империю, построенную отцом, направила на достижения целей клана Гордонов. Я даже детей не могла иметь, потому что, видите ли, не время! А теперь вот, полюбуясь: «Судьбе угодно было!». Судьба, тут видите ли, распорядилась! Всю мою жизнь, все мои силы, способности, доходы – я всё поставила на услужение этому человеку. А что в ответ? «Я заслуживаю порицания, ибо я не верен тебе!». Порицания он, видите ли, заслуживает? Так бы и придушила! – сжала пальцами невидимое горло Айрис. – И словно всего этого мало, он закликает меня чувствами, что я питаю к нему, не порицать его шлюху! Каково, а?!

Молодая женщина горько рассмеялась:

– Оливер свалил на меня стоимость всех судов, потребовавшихся ему для того, чтобы занять пост губернатора на этом, богом забытом, Ранерлике! Он набрал огромные займы, прикрываясь моим именем. Суммы, что ему ссудили, ни один банк не дал бы лорду Гордону – их давали зятю Джорджа Моргана, мужу Айрис. Да он мог бы расшибиться в лепёшку, ни за что ему не выдать тех выгодных процентов и сроков, которые ему дали благодаря моему попечительству!

– Ну так в чём проблема, дорогая сестрёнка? – снова пожал плечами Роберт. – Ты подарила ему блага – ты их и отними. Свяжись с самыми крупными из заимодавцев твоего благоверного. Убеди их так, как ты умеешь это делать (а ты умеешь, это знают все, кто хоть однажды имел с тобой дело) сократить график выплат. Если эта красотуля с диких островов так любит твоего мужа, пусть получит таким же, каким подобрала ты – гордым, смелым и нищим.

Айрис стояла к брату в профиль. Небольшая горбинка на носу придавала ей сходство с хищной птицей. Падающий свет подчёркивал высокомерное выражение её лица.

– Просто разорить его? – в задумчивости покачала она головой. – Этого недостаточно.

– Чего же ты хочешь? – раздражённо хмыкнул Роберт, поигрывая тростью в длинных пальцах. – Голову врага на блюде?

В серых глазах Айрис зажегся зловецкий огонь.

– Верно, братец. Только на кровавом блюде я хочу видеть не голову мужа, а голову той, что посмела положить на него глаз.

– Айрис, сестричка, успокойся. Эта гризетка – она и мизинца твоего не стоит.

– Мизинец я бы ей простила. А вот потерю привязанности мужа – нет. Ещё пока не знаю, как я это сделаю, но они оба пожалеют о дне своей встречи. Мне нужна информация об этой девице. Вся, какая есть. И желательно такая, чтобы можно было против неё использовать.

– Это как раз легко. Твой Оливер вытащил её из тюрьмы, где этой шлюхе должны были отрубить голову.

Глаза Айрис сузились. Больше она ничем не выдала своих чувств.

– Ты в курсе, за что её посадили?

– За связь с пиратами.

– Связь с пиратами? – брезгливо поморщилась Айрис. – Позарилась на неумытого морского бродягу?

Роберт засмеялся:

– Связь была торговая, а не сексуальная. Хотя, – иронично вскинул он бровь, – не исключено, что последняя тоже имела место.

– Обвинения были сняты?

Судя по деловому тону, самообладание начало возвращаться к его сестре.

– Нет. Обвинения не снимали. Девушку выпустили под залог.

– Кто его внёс?

– Твой муж.

– Он заплатил за неё моими деньгами?! – возмутилась Айрис. – Какая прелесть! Что ж? Просроченные платежи обойдутся им вдвое дороже. Я с этой его девицы шкуру живьём спущу! А Оливера заставлю стоять рядом и смотреть на это.

Плотно сжатые губы и решительный вид не оставляли сомнений в серьёзности её намерений.

Роберт снова тяжело вздохнул:

– Сестричка, я понимаю твою боль и гнев. Но очень надеюсь, что, когда ты немного остынешь, откажешься от своих кровожадных планов.

– Не надейся. Чтобы заставить страдать эту тварь, я готова дьяволу душу продать.

Роберт был поражён. Всегда сдержанная, кажущаяся ему бесстрашной, сестра, в его представлении, была не способна на такую бурю эмоций.

Роберт никогда даже не подозревал, что Айрис так сильно любит своего мужа. Ему всегда представлялось, что супругов Гордон соединяет ровная привязанность, скорее дружеская, чем страстная. И, как большинство мужчин, он пребывал в ложном убеждении, что жена готова смотреть сквозь пальцы на мимолётные увлечения своего мужа.

Но, как оказалось, всё не так. Оливер Гордон рискует нарваться на пробуждённый им вулкан. С учетом возможностей, которыми обладала Айрис, в сочетании с её изобретательным умом и богатой фантазией кому-то скоро припечёт бочок похлеще, чем коптящемуся на вертеле в кухне поросёнку.

Сто шансов против одного, что в эпицентре этой бури окажется вовсе не обожаемый, несмотря на все свои проделки, муженёк, а недалёковидная красотка, открывшая ротик на кусок, который проглотить ей не позволят. Торнадо по имени Айрис Гордон раскатает Каро Мёрфи ровным слоем там, где состоится судьбоносная встреча.

Роберт почти не сомневался в том, какое решение примет Айрис. Под любым благовидным предлогом она отправится на Ранерлийские острова в надежде поквитаться с соперницей и вернуть мужа.

Конечно, он разумным такое решение не считал, но женщины есть женщины. Даже самые разумные из них всегда в итоге слушают лишь голос своего сердца.

В доке царил привычная суматоха. Гавань заполняли купцы, ловко сновали загорелые матросы, катившие бесконечные бочки. Кто-то тащил на себе тюки, мешки, свертки, короба, корзинки. Уличные проститутки дерзко выставляли себя напоказ. Голоса, грубые выкрики, смех разносились в звенящем морском воздухе.

А дальше, за всем этим, качались на приливной волне верхушки мачт больших океанских кораблей.

Обоняние Айрис раздражал непривычно резкий, острый запах пропитанного морской солью дерева и едва уловимые ароматы экзотических пряностей, перемешанных с дыханием моря.

Подняв голову, можно было созерцать невообразимое переплетение канатов, снастей, мачт и туго скатанных полотнищ парусов на реях.

– Видите вон тот фрегат? – с гордостью указал на трёхмачтовое судно адвокат Стив Боннет. – Это он и есть, наш красавец – «Сердце океана».

Ему предстояло переправиться вместе с Айрис на другой конец света, отвечая за её безопасность. И он был весь пропитан важностью возложенной на него миссии, со всей ответственностью и страстью предаваясь новой для себя роли опекуна и благодетеля.

Айрис ему в этом не мешала.

Фрегат стоял далеко от берега. Чтобы до него добраться пришлось лавировать между других кораблей. С невольным замиранием сердца Айрис наблюдала, как перед ней вырастают то форштевни с бушпритами, то корабельная корма.

На корабле её приветствовали штурман и мичман в окружении загорелой матросни, почтительно державшейся поодаль.

– Добро пожаловать, миледи, на борт «Сердца океана». Я – Ронни Данкин, а это – Мэрки Мюллер.

– А где капитан Томпсон?

– Ждёт вас в каюте.

Капитан завтракал.

– Леди Гордон? Простите! Не ждал вас так рано, – поспешно поднялся он при появлении Айрис.

– Не затрудняйтесь реверансами. Это совершенно излишне, уверяю вас, – остановила его порыв молодая женщина. – Завтракайте, пожалуйста. Я вовсе не была намерена вам помешать.

Капитан вновь опустился на стул:

– Значит, вы всё-таки решились? – осуждающе покачала он головой. – Признаться, я до последнего надеялся на чудо. Жаль, что вы не передумали путешествовать, миссис Гордон. В это время года переход может быть опасным. Чёрт! Он всегда бывает опасным! Особенно для женщины ваших лет и вашего положения. В Ранейлирских водах господствуют пираты. И, не в обиду будь сказано, ваш муж не особенно-то сумел переломить ситуацию.

«Он, судя по всему, не слишком-то и пытался. Другим был занят», – с горечью подумала Айрис.

Вслух же сказала:

– Полагаете, скорость корабля и тридцать шесть пушек недостаточно гарантируют мою безопасность?

– В вопросах безопасности «достаточно» не бывает никогда.

– В любом случае, говорить об этом поздно. Я уже здесь и отступать не планирую. К тому же, разве вам недостаточно заплачено за возможные риски?

Капитан Томпсон поиграл бровями:

– Вы правы. Бессмысленно обсуждать то, что уже свершилось. Идёмте, провожу вас в вашу каюту.

К удовольствию Айрис та была обставлена прилично, по последней моде. Широкая кровать, ковёр, прикроватный столик, стул и зеркало – всё наилучшего качества.

Знатная дама, привыкшая к комфорту, и в путешествии не должна была лишиться привычных для себя удобств.

– Если вас что-то не устроит...

– О! Всё отлично. Лучше и быть не может, – заверила его Айрис. – Как только на борт поднимется моя горничная, не могли бы вы распорядиться, чтобы её немедленно прислали ко мне. И позаботьтесь, пожалуйста, чтобы мои письменные принадлежности и книги доставили сюда как можно быстрее.

– Как прикажите, миледи.

Оставшись одна, Айрис какое-то время прислушивалась к грубому, громкому хохоту, долетающему с палубы.

Потом легла на кровать и, закрыв глаза, представила себе ослепительно белый пляж и лазурную дугу воды.

Мужчина и женщина бегут по нему, взявшись за руки. Ветер треплет белокурые волосы и поднимает юбки, обнажая узкие аристократичные ступни маленьких ног у женщины – Айрис слышала, что её соперница миниатюрная блондинка.

Маленькая самоуверенная стерва, крадущая чужих мужей! Нежная и лживая, как все ей подобные.

До Айрис доходили слухи о связи Каро Мёрфи с одним из пиратов. По утверждению Роберта, он грабил и убивал ради неё, но кончилось всё для него печально – блондинка любовника не только бросила ради её, Айрис, мужа, но и передала властям.

Как же его звали, этого пирата? Как сложно удержать в памяти имена ирианцев. Кажется, Дойл Райан?

Нужно запомнить. Этот человек может в будущем ей пригодиться.

Курс был взят на юго-восток. Дул сильный попутный ветер. Вперёд продвигались со скоростью двенадцати узлов в час.

Несмотря на то, что фрегаты по праву считались самыми быстроходными кораблями анадоллийского флота, плыть предстояло долго. Меньше, чем за пару месяцев до Ранерлийских островов никак не добраться.

Деятельная по натуре, не привыкшая проводить время в праздности, Айрис боялась заскучать. И в первые дни путешествия действительно была близка к этому.

Запершись в каюте, она пыталась спастись чтением. Но истории, льющиеся дождём со страниц книг, казались вычурными и неправдоподобными, герои – неживыми, их страсти – картонными. Истории любви, когда-то вызывающие у юной Айрис слёзы умиления, теперь заставляли лишь смеяться, настолько абсурдными выглядели их описания.

Конечно же, герой был отважен, а героиня – прелестна и юна. В большинстве своём авторами романов были мужчины. А их, понятное дело, не вдохновляли обычные особы – только прекрасные.

Но когда ты не хрупкая блондинка, не юная, да ещё и не дева лет уже так ...дцать, всё вышеперечисленное скорее расстраивает, чем увлекает.

Айрис, задвинув книги в дальний чемодан, достала кисти и краски.

Живопись развлекала её дольше литературы, но за пару дней рисовать тоже надоело до тошноты.

Впрочем, тошнота могла быть (и вероятней всего была) вызвана морской болезнью.

Изнывая от её дуэта с бездельем Айрис сурком проспала пару дней, поднимаясь лишь для того, чтобы перекусить.

И во сне, как наяву, она проигрывала варианты своего триумфального появления перед соперницей. Прокручивала в голове раз за разом варианты бесконечного унижения последней до тех пор, пока развлечение это, не то чтобы надоело – приелось.

Айрис даже начало казаться, что заболевает именно от переполнившей её злости.

Вот тогда и пришло желание «выйти в люди» чтобы развеяться. В её случае это означало – подняться на верхнюю палубу.

Так и образовалась новая привычка прогуливаться вдоль оградительных бортиков квартердека, придерживаясь за них рукой во время усиливающейся качки.

С первого же взгляда Айрис отдала должное капитану Томпсону. Корабль содержался в безукоризненном порядке. Дисциплина была если и не железной, то поддерживалась на высоком уровне. Команда, сработавшейся за долгие годы плавания, жила мирно и дружно.

К себе со стороны экипажа Айрис видела лишь уважение и предупредительность. Камеристка и горничная тоже ни разу не пожаловались на какие-либо неудобства.

По мнению Айрис, погода стояла замечательная, но капитан Томпсон всё хмурился. Пару раз за обедом он даже обмолвился о том, как ему не нравится упорство восточного ветра.

– А что с ним не так? – полюбопытствовала Айрис.

– Во-первых, он мешает кораблю лечь на более благоприятный курс. Во-вторых, опасаясь, как бы в дальнейшем нам не попасть с ним в полосу штиля. Этого может и не произойти, миледи, – поспешил заверить он, заметив, как Айрис недовольно сдвинула брови. – А если произойдёт, то лишь ближе к тропикам. Если к тому времени мы уже успеем войти в экваториальное течение, подобное досадное препятствие не сможет задержать нас в пути.

– Рада это слышать. Полностью полагаюсь на ваши навыки.

Это было правдой. Айрис придерживалась твердых убеждений, что не стоит лезть с указаниями к тем, кто в обсуждаемом вопросе разбирается лучше тебя.

Продвижение вперёд с каждым новым днём, даже часом ощущалось всё явственнее. Теплее становился воздух. Вода в море, поначалу серая, маслянисто-коричневая, светлела. Небо поднималось выше.

Вскоре, чтобы прогуляться по палубе, не нужно было кутаться в тёплую одежду. Залётный ветерок скорее ласкал тело, чем студил его.

Приказав вынести для себя на палубу кресло, устроившись в тени тента, прикрывающего голову от палящих лучей солнца, Айрис погружалась в несвойственное для себя бездеятельное созерцание. Она часами просиживала, любуясь то природой, то людьми, иногда перенося открывающееся ей картины в альбом.

В такие минуты душа её обретала покой. Широта просторов, яркость красок, прозрачный воздух, напоенный солью, приносили умиротворение, и она почти забывала о своей истинной цели.

Казалось, ничто не сможет нарушить приятного однообразия морского путешествия.

Очередной день с утра выдался солнечным и ясным, но ближе к вечеру погода испортилась.

Усиливалась качка: корабль то ложился на левый бок, то медленно поднимался.

У служанок из-за этой болтанки ужесточились приступы морской болезни.

Элис, камеристка, обошедшаяся Айрис в просто баснословную сумму, корчилась на полу, взирая на кожаное ведро у кровати со смесью обожания и отвращения, трудно объяснимых в любой другой ситуации.

Энни, горничная, сидела в другом углу каюты и истово молилась, сдавленно вскрикивая всякий раз, как корабль начинал клониться на борт.

Поведение Энни раздражало. Айрис самой было жутко. Бесконечные причитания не способствовали уменьшению паники.

– Может быть, вам лучше сесть в кресло? – предложила она служанке.

– Нет, благодарю вас, миледи, – помотала головой Энни. – Здесь, на полу, я чувствую себя устойчивее,

Элис в очередной раз застонала, держась за живот:

– Да простит меня госпожа, но мне слишком плохо, – простонала она. – Эта проклятая морская болезнь... о, простите! – бросилась она к ведру. – Никогда не приходилось переносить такой дьявольской качки.

– Вы бы легли. Может, будет чуточку лучше? – сочувствуя, посоветовала Айрис.

Стеная, Элис ползком добралась до кровати и, охая, постаралась улечься.

В дверь каюты постучались:

– Кто там? – спросила Айрис.

– Корабельный плотник, – прогремело в ответ. – Меня прислал капитан, миледи, чтобы задраить иллюминаторы.

Плотник с безразличным видом перешагнул пребывающую в молитвенном экстазе Энни, волоком таща за собой толстый квадратный деревянный щит. Двумя-тремя уверенными ударами молотка он ловко пригнал его на место.

– Вам придётся посидеть немного в темноте, миледи, но зато эта заглушка надёжно защитит вас от всяких шуточек океана. Становится немного ветрено, – оскалился он в попытке изобразить дружескую улыбку, адресуя её позеленевшей Элис, выглядевшей так, будто в любой момент может отдать богу душу.

Айрис поднялась, чтобы самой зажечь свечи. От служанок в их состоянии толку было мало.

– Вот моток верёвки, госпожа, – услужливо протянул плотник. – Привяжите подсвечник покрепче к столу. Не равен час – опрокинется. Только пожару нам сейчас и не хватало.

Шторм трепал их в течение пяти дней, нещадно швыряя корабль во все стороны.

Временами, прислушиваясь к звукам, доносящимся с верхней палубы, можно было услышать, как лопаются с треском канаты и представить, как ветер срывает с мачт обрывки парусов. Фрегат в такие минуты дёргался, словно споткнувшийся конь.

Зелёная пенистая вода гуляла по палубе, заливаясь в проходы, иногда даже врывалась фонтанами брызг в дверь каюты.

Айрис в очередной раз нос к носу столкнулась с осознанием простой истины – человек способен привыкнуть ко всему. На третий день не только она, но и служанки смирились с болтанкой.

Пару раз, во время небольших затиший, Айрис поднималась на палубу. Яростные вспышки шторма вызывали в душе одновременно и трепет, и восторг.

К исходу пятого дня океан соизволил успокоиться. Жизнь потихоньку входила в привычное русло.

На камбузе вновь весело трещал огонь, а обеды сменялись ужином.

«Сердце океана» прыгало по ленивым волнам, неуклонно продвигаясь к цели.

На исходе шестой недели раздался радостный клич дозорного:

– Земля!

Вскоре даже без подзорной трубы можно было рассмотреть побережье с его причудливыми рыжими скалами и яркой зеленью тропических лесов. Среди пальм зоркий взгляд различал домики вполне привычных очертаний.

Барашки волн искрились в утренних лучах.

Команда скатывала паруса, ещё влажные от ночной сырости. Цепь носового якоря, гремя, бежала из клюза до тех пор, пока он с плеском не ушёл в зеленоватую морскую воду.

Вдруг вдали, среди нагромождения береговых скал, показался словно крошечный шарик ваты. Потом оглушительный гром пушечного выстрела прокатился над водой пугая птиц.

Айрис заметила, как взволновалась команда, но её вера в то, что на корабль шестого ранга любой пират, будь он отважен как сам дьявол, напасть не решится, была непоколебима.

Увы, но вскоре пришлось усомниться в прежних верованиях.

Из-за скал вышла целая корабельная эскадра из шести кораблей. Не поднимая флага, не подавая сигнала, вражеский флагман сделал предупредительный выстрел.

– Что это значит, сударь? – обернулась Айрис за разъяснениями к капитану Томпсону.

– Это значит, миледи, что осы здешних вод решились показать нам своё жало.

Команда экстренно вела приготовления к бою. Капитан ринулся к переговорной трубке требовать ответа: кто посмел совершить дерзновенное нападения на представителя королевской власти?

В ответ прилетело резкое распоряжение немедленно сдаться или будет осуществлена попытка захвата судна.

Айрис видела, как нервничал бедняга Томпсон. И, откровенно говоря, было с чего – леди Гордон представляла собой весьма ценный груз и трофей. Если пираты перережут ей горло, на его карьере в королевском флоте можно поставить жирный чёрный крест. Без права пересмотра результатов.

– Орудия к бою!

Помощник спешно метнулся передавать приказ канонирам.

– Чего хотят эти люди? – вновь спросила Айрис. – Переговоров?

– Сомневаюсь. Скорее жаждут продиктовать нам свои условия с позиции силы.

– А они отчаянные.

– Полагаете? – с сарказмом фыркнул капитан.

– Даже шесть шлюпов не гарантируют им перевеса против линейного корабля в полном вооружении. Чтобы броситься в пасть смерти нужно быть либо полным идиотом, либо отчаянным смельчаком. Ну, или как вариант, находиться в положении крайней нужды, – задумчиво протянула она. – Вот что мы сделаем! Пошлём к ним парламентёра с белым флагом.

– Зачем? – обескураженно глянул капитан на Айрис.

– А зачем шлюют парламентёров? Для переговоров, конечно же.

– Леди Гордон! – застонал капитан, закатывая глаза. – Вы уж простите мою дерзость, но – вы в своём уме?!

Айрис невозмутимо парировала:

– Если есть возможность закончить дело миром, всегда следует попытаться. Заставить говорить пушки ведь всегда успеем. Кроме того, как вы сами мудро заметили, мы сейчас не в самом выгодном положении. Встали на оба якоря, маневрировать не можем, пушки зачехлены. А враг подошёл вплотную. Нет, переговоры и только – переговоры. Пока я займу господ удачи беседой, вы постарайтесь потихоньку исправить допущенные оплошности.

– Но как, мэм?..

– Не знаю – как! Как-нибудь. На что вы рассчитываете? Уйти не успеем – факт. Если окружат, то разобьют нас в щепы. Мы в ловушке. А значит придётся выслушать, чего хотят эти отчаянные ребята. Обеспечьте переговоры и не лезьте в драку. Будем вежливы. Зубы покажем лишь тогда, когда не останется ничего другого.

Капитану это не нравилось. И если бы истины в словах Айрис было чуть меньше, он предпочёл бы её послушаться.

Но взяв их в плотное кольцо, ошетилившись пушками, пиратские корабли сужали круг. Даже если предположить, что удастся первыми произвести выстрел, то даже и тогда, как минимум треть команды на эскадрах имела шанс выжить и пойти на abordаж.

Скрипнув зубами от ярости, которой невозможно было дать выход, вне себя от беспокойства, капитан пошёл выполнять распоряжение леди Гордон.

А Айрис, вместо того, чтобы спуститься в кают-компанию, как изначально планировала, поднялась на четвердек и застыла, наблюдая за шлюпкой с парламентом.

Она с тревогой вглядывалась в позорную трубу.

Капитан Томпсон вскоре вернулся и вновь предпринял попытку уговорить Айрис отказаться от своего плана:

– Мне кажется, попытка договориться с этими молодчиками добром не кончится. Пираты – они и есть пираты. Вы совершите ошибку, пустив их на корабль без единого выстрела. В лучшем случае вас возьмут в плен, требуя выкупа, присвоив всё добро, что сумеют отыскать. В худшем...

Капитан Томпсон сделал красноречивый жест, имитирующий, как перерезают глотку.

Подобная мысль приходила в голову и Айрис. Увы, но такой исход был весьма вероятен.

– Смотрите! – взволнованно воскликнула она. – Кажется, они гребут сюда?

Сердце болезненно сжалось.

Её самоуверенная властность всегда имела под собой прочное основание. Сейчас же случай был иной. Идти вперёд придётся без всякой страховки. Все гарантии, кажущиеся такими надёжными в Анатолии, сейчас были не прочнее бумаги. А бумага, как известно, горючий и хорошо рвущийся материал.

Если Айрис попадёт в плен, Оливер вряд ли разовьёт бурную деятельность по её освобождению. Её гибель будет ему только на руку.

С этой мыслью она и наблюдала, как остроносые пиратские лодки приближаются к их кораблю. Ловко, точно мартышки, пираты взобрались на палубу фрегата.

Взгляд невольно задерживался на огромном, как медведь, косматом мужчине. Ветер трепал его длинные волосы. Двигался он с лентой, вразвалку. Но в этой неторопливости, будто даже пренебрежении к необходимости спешить, сквозила дюжая сила и самоуверенность.

За ним следовал другой мужчина, на голове которого, в отличие от лохматого громилы, не было ни единого волоска – совершенно лысая черепушка, а в левом ухе болталась золотая серьга.

Обоим мужчинам было далеко за сорок. Оба выглядели отъявленными головорезами.

Впрочем, головорезами тут выглядели абсолютно все.

Лысый с серьгой в ухе обнажил тесак и вонзил его в трап в знак того, что судно захвачено.

– Милорды?

Низкий, с легкой хрипотцой, голос Айрис всегда производил на мужчин завораживающее впечатление.

– По какому праву вы осмелились остановить мой корабль?

Ответил Косматый:

– У нас с полдюжины прав, сударыня, – выразительно положил он руки на пистолеты, которыми был обвешен с ног до головы. – Выбирайте себе любой, по вкусу.

Не спеша сойдя вниз, Айрис остановилась перед ними.

– На краю света стоит ли удивляться тому, что мужчины настолько не вежливы с дамами, что норовят их ограбить при первом же удобном случае? – с насмешкой протянула она, приподняв бровь.

– Что вы? С дамами мы не просто вежливы, а прямо-таки любезны, – хмыкнул один из парней, смуглый и длинноволосый.

Он сделал попытку прошмыгнуть мимо капитана в надежде завязать с Айрис более тесное знакомство. Но добился только того, что Косматый коротким тычком стукнул его в лицо тяжёлой рукояткой шпаги, заставляя отпрянуть, держась рукой за разбитый нос.

– Итак, господа? – невозмутимо продолжила Айрис, делая вид, словно ничего не произошло. – Представимся? Я – леди Гордон. Мой корабль носит название «Сердца Океана». На нём двести солдат и шестьдесят пушек.

Косматый, демонстративно сплюнув на выдраенную палубу, заявил:

– Я Ричард Райан, капитан «Акулы» – тридцать пушек. Это Сильвер МакДау, капитан «Целеустремлённого» – двадцать пушек. На нём сейчас две трети добычи, что удалось взять в последнем набеге и часть провизии. За ними «Роза», на ней восемнадцать пушек. Что ещё сказать, дамочка? При простом подсчёте получается, что перевес на нашей стороне, да?

Айрис вынуждена была согласиться:

– Ваш боевой арсенал впечатляет.

Сильвер МакДау сделал шаг вперёд:

– Мы слышали, в наши края должна прибыть высокородная дама. И решили, что, может быть, её прибытие сыграет нам на руку? Правда, если мы поймём, что вы нам больше не нужны, пустим вас на корм рыбам.

Солдаты сразу же защёлкали затворами. Ружейные дула глядели на пиратских атаманов со всех сторон, но Лысый Сильвер остался невозмутим. Даже позы не поменял.

Айрис улыбнулась с хищностью подкрадывающейся кошки:

– Почему-то мне кажется, что вы, господа, недооценили две сотни солдат, которые, несомненно, попытаются воспрепятствовать вашим кровожадным планам на мой счёт. Драка, кровь, смерть – всё это крайне утомительно. Особенно в такой чудесный день. Не находите? Возможно, имеет смысл попытаться договориться? Предлагаю спуститься в кают-компанию. Там я выслушаю вас, а вы выслушаете меня. Бесплатным бонусом к приятной беседе станет лучшее католийское вино.

Айрис, подобрала длинные юбки и сделала первый шаг:

– Прошу следовать за мной, господа.

К её удивлению они послушались.

Золотистой сетью плясали яркие лучи тропического солнца, сумевшие пробиться через большие квадратные окна кают-компания. Они освещали богато обставленную каюту. Полы, покрытые роскошными коврами. Книжные шкафы полные книг. Резные буфеты, ломящиеся от серебра. Ласкали экзотическую для здешних мест гитару, лежащую на низеньком диванчике.

– Чёрт меня возьми, леди! Да ваш корабль лакомый кусок для парней вроде нас. Раздери меня дьявол, если тут нечем поживиться! – прорычал косматый Ричард.

– Не могу с вами не согласиться, – кивнула Айрис. – «Сердце океана» действительно полно сокровищ. Можно только представить, какое искушение завладеть им вы сейчас испытываете.

Лысый Сильвер хмыкнул, обнажая в усмешке удивительные для человека его лет и профессии, ровные, белые зубы.

Вокруг жёстких глаз лучиками разбежалась сеть морщинок:

– Клянусь преисподней, вы храбрая женщина!

– Храбрая? Может быть. Но, скорее всего, дело тут не в храбрости, а в элементарном благоразумии. Что я вижу? Обладая внушительной силой и бесшабашным дерзким нравом, вы всё-таки согласились пойти на переговоры, а не на абордаж. Какой вывод делаю? Вами движет не алчность.

– А что же?

– Откровенно говоря, затрудняюсь предположить. Мы сэкономим время и и нервы, если вы прямо скажете об этом, а не заставите меня гадать на кофейной гуще.

Несколько секунд Айрис и Косматый Рич молча мерились взглядами.

– Хотите знать о наших намерениях? – наконец разомкнул он губы. – Разрази меня гром, вы о них сейчас узнаете! Наши намерения чисты, как слеза. Ведь всё, чего мы хотим – вернуть нашего товарища.

– Давно ли береговое братство стало столь дружным, что готовы рисковать все, как один, своей головой за товарища?

Айрис была искренне удивлена.

– Доыл Райан мой сын, – пролил свет на ситуацию Косматый Рич. – Когда ваш муж подписывал договор с береговым братством, некоторые трусливые крысы продали моего мальчика за собственное жалкое пузо, обменяв свою шкуру на него. Теперь козёл-губернатор и его шлюха собираются моего сына повесить! Закон и порядок, мать их растак, не более чем ширма, за которой этот жалкий слизняк Гордон сводит с моим сыном старые счёты из-за бабы.

– Мы собираемся помешать осуществлению казни, – голос лысого Сильвера был так же невзрачен и тускл, как его взгляд. – Любой ценой. На самом деле лично вам мы не желаем зла. Но если придётся, оторвём вашу хорошенькую головку и отошлём её в корзинке Его Величеству в знак того, что ему следует лучше выбирать наместников в колониях.

После небольшой паузы Айрис решила уточнить:

– Если правильно понимаю, господа, вы намерены попытаться обменять ценного для вас пленника в обмен на не менее ценного для Анадоллии заложника – то есть, меня?

– Вы всё правильно поняли, мэм. Изначально мы рассчитывали отбить моего сына на обратном пути в Старый Свет, но недавно стало известно, что губернатор назначил ускоренное судебное разбирательство. Оно состоялось здесь, на Ранерлике. Всё было сделано молниеносно, комар носа не подточит. Никто глазом моргнуть не успел.

Косматый Рич замолчал и его речь подхватил Лысый Сильвер:

– Когда Ранерлик признал власть нового губернатора это была сделка. Мы согласились принять «порядок и закон», а нам обещали, что закон ограничит власть, обеспечив предсказуемость событий...

– Но казнь моего сына с этой грязной пародией на правосудие явно демонстрирует, чего стоят объявленные «закон и порядок»! – взревел Косматый Рич.

Айрис понимала его чувства.

– Где сейчас ваш сын? – со вздохом спросила она.

– Заточён в крепости форта.

– И вы намерены поставить губернатору ультиматум – моя голова против головы вашего сына? – Айрис не сводила с него внимательного взгляда. – Только полным отчаянием можно объяснить этот безумный поступок, господа. Угрозой оторвать голову знатной даме вы только оскорбите короля. При дворе это, несомненно, будет воспринято как вызов и повлечёт за собой эскалацию конфликта. К этим берегам пришлют эскадру кораблей. Быть может, губернатора, не удержавшего ситуацию под контролем, и сместят. Быть может, учитывая сложившееся положение дел, даже бросят в долговую яму. Могут и казнить, но есть существенное маленькое «но»! Всё это случится после того, как на шею вашего сына, сударь, повесят пеньковый галстук. Он будет отомщён, только – посмертно. Я же могу предложить вам другой план. Куда менее рискованный.

Айрис постучала пальчиком по столу.

– Вы знаете кто я? Я – Айрис Гордон, урожденная Морган. Я ваш новый губернатор и приехала на Ранерлик, чтобы сменить мужа на его посту. В сложившейся ситуации, сами понимаете, мой дорогой муж если и желает кого-то увидеть мертвее вашего сына, так это именно меня. Так что угроза оторвать мне голову его ни капельки не встревожит. Уничтожив меня, вы только сделаете ему подарок. Вы ведь не этого хотите, не так ли?

– Что вы предлагаете? – угрюмо спросил Косматый Рич.

– На ваше счастье я готова добровольно выступить гарантом безопасности вашего сына, объявить ему полное и безоговорочное помилование. Для этого вам придётся позволить мне беспрепятственно высадиться на берег взяв с собою для сопровождения не меньше сотни солдат.

– Да будь я проклят, если...

– Вы будете прокляты, если немедленно не воспользуетесь выгодным для вас предложением. Вы же сами сказали – виселицу уже сооружают. А мне ещё нужно успеть добраться до берега, потом до губернаторского дома. Стоит ли медлить?

– Какие у нас гарантии, что вы спасёте Дойла? – спросила Сильвер.

– Кто-нибудь из вас слышал, чтобы Морганы нарушали слово? Не переживайте, – улыбнулась Айрис. – Я спасу вашего сына хотя бы из одной только радости досадить любовнице моего мужа.

– Ладно. Будь, по-твоему, женщина, – поднялся из кресла Косматый Ричард. – Ты получишь и свободу, и солдат – всё, что пожелаешь. Но я хочу, чтобы ты запомнила одно: не сдержишь слово и, каким бы долгим не был до тебя путь, я его преодолею.

В ответ Айрис холодно блеснула глазами. Угрозы она не любила.

Так или иначе, но её путешествие подходило к концу.

Люди готовились к высадке. Горячо сияло солнце. Морские птицы кишели, с криком носясь над волнами в надежде ухватить рыбку пожирнее.

Не прошло и часа, как шлюпки пристали к берегу.

Их встречал человек с высокомерным, вздорным и узким, как у крысёнка, лицом.

– Добрый день, сударыня, – приветствовал он. – Имею честь приветствовать вас. Позвольте представиться – городской судья Арчибальд Грейсвелл.

– Рада встрече, сэр Грейсвелл. Полагаю, что мои верительные грамоты способны представить меня более красноречиво, чем я сама.

Повинуясь приказу Айрис её слуга, раскрыв кованный серебром сундучок, шагнул к судье. Достопочтенному не оставалось ничего другого, как взять королевский патент и прочитать.

Чем быстрее бегали глаза по строчкам, тем более кислым делалось выражение лица сэра Арчибальда.

– Этот документ уведомляет о том, что на пост губернатора Ранерлика назначена некая особа по имени Айрис Гордон. Но кто поручится мне в том, что эта особа вы, мэм? Может быть вы жалкая самозванка?

– Вы на досуге приключенческие романы, что ли, почитываете? – засмеялась Айрис.

– Что?.. – возмутился достопочтенный.

– Только романтически настроенному уму могла прийти подобная прелестная фантазия.

– Ну, знаете ли!..

– Успокойтесь, сударь. Верю, мой супруг ещё способен узнать свою законную жену.

Лицо Арчибальда Грейсвелла побагровело, глаза выпучились:

– Я... я полагаю, сэр Оливер Гордон уведомлён о вашем приезде, миледи? Ему ведь сообщили о вашем прибытии? Сэр Оливер занемог, а леди Мёрфи, она...

Айрис, сощурившись, в упор, будто целясь, посмотрела в лицо судьи. От этого взгляда терялись мужчины куда храбрее него.

– Леди Мёрфи? – переспросила она со всей заносчивостью, на которую только была способна. – Что это за леди такая, что о ней стоит передо мной упоминать?

– Леди Мёрфи... она...

– Прекратите мямлить. Или скажите, что хотите – или заткнитесь.

– Никто из губернаторской семьи сейчас не может принять Вашу Светлость. Сэр Оливер в тяжёлой лихорадке, а леди Мёрфи отправилась на казнь.

- На казнь? – растерялась Айрис, холодея от нехорошей догадки. – Какую ещё казнь? Только не говорите мне, что собираются повесить этого Райана!
- Конечно, собираются...
- О, нет! – простонала Айрис. – Только не это! Лошадей! Немедленно!

Глава 2. Встреча

Лошади рванули по дороге. От пыли, летящей из-под их копыт першило в горле, но ничего не поделаешь, приходилось терпеть.

– Прикажете кучеру гнать во всю прыть. Если опоздаем и капитана Райана казнят, обещаю, вас повесят рядом, – мрачно пообещала Айрис.

– Как?! – ужаснулся судья.

– За шею, – отрезала Айрис.

– Но почему?..

– Не почему, а за что. Выносить смертный приговор по такому делу у вас не было права и квалификации.

– Помилосердствуйте, миледи! – сжал дрожащие пухлые ручки сэр Арчибальд. – Я всего лишь выполнял приказ леди Мёрфи!

– Вот за это вас и повесят, – злорадно пояснила Айрис. – Как государственное лицо, вы должны действовать согласно букве закона и голосу совести, а не по чужой указке. В усугубление собственной вины, вы самовольно титулуете девчонку титулом, который этой Мёрфи не принадлежит.

– Миледи, помилосердствуйте! – как заклинание повторил судья.

– Если по вашей вине будет нарушен закон, вы на собственной шкуре ощутите последствия учинённого произвола.

– Но, госпожа! Если я и виновен, то не более, чем лица...

– Каждый ответит сам за себя.

Айрис не сочла нужным смягчать металлические нотки, звучащие в её голосе. Мысленно она уже прикидывала последствия возможного опоздания и понимала, во что это может ей обойтись.

Они въехали на главную площадь острова, заполненную людьми до отказа, так, что яблоку было негде упасть. Повсюду взгляд наткнулся на солдат в алой королевской форме. Дойди всерьёз дело до драки, численный перевес, увы, будет не на стороне Айрис.

– Люди, которые не являются людьми, – монотонно тянул стряпчий, озвучивая приговор. – Они хуже зверей. Ибо зверь повинует низменным инстинктам, заставляющим его убивать ради пропитания. А люди, подобные Дойлу Райану – это угроза каждому благочестивому человеку. Пока они на свободе, покоя честному гражданину не видать. Люди, подобные капитану Райану, нарочно вселяют в сердца страх чтобы помешать процветанию нашего города!

Толпа в ответ слабо гомонила. Сразу и не поймёшь, что этот гомон выражал. Довольство? Возмущение? Равнодушное любопытство?

– Сегодня день дней, – продолжал голос. – Мы навсегда заставим замолчать одного из самых непримиримых и бесстыжих злодеев. Тем самым докажем всему цивилизованному миру, что являемся его частью. То, что делается сейчас на ваших глазах, славные жители Ранерлика, делается не ради удовольствия или мести. Это делается для торжества справедливости, закона и порядка.

Приговорённый спокойно стоял на грубо сколоченной повозке, запряжённой серым мереном.

Вот он какой – Дойл Райан? Сын Косматого Рича? Любовник Каро Мёрфи?

Прямо скажем, с первого взгляда особого впечатления не производил. Видела Айрис в жизни мужчин и посимпатичнее.

Черты лица неправильные и резкие. Низкий лоб надвигался на глубоко посаженные длинные светлые глаза. Острый нос. Узкие губы. Щёки, заросшие бакенбардами. Тёмно-русые, мышиного цвета волосы перехвачены на затылке.

Среднего роста, крепкий. Плечи настолько широкие, что полотняная рубашка из серой мешковины угрожала порваться на тугих мышцах. Руки казались сплетёнными из бугрящихся жил.

От мужчины так и веяло звериной, свирепой силой, не укрощённой даже близостью смерти.

– Да восторжествует Высшая Воля, – закончил стряпчий, скручивая в рулон бумагу, по которой он читал свою речь.

Кое-где из толпы раздались крики: «Ублюдок!», «Вешай его!». Но они были единичны и явно проплачены. Их не подхватили.

– Остановите казнь, – велела Айрис Грейсвеллу.

– Я...

– Немедленно! И только попытайтесь воспользоваться случаем и напортачить – яйца отрежу и заставлю сожрать.

Видимо, судья Ранерлика леди представлял себе иначе. Слова Айрис глубоко его шокировали. Или напугали? Но угроза возымела действие. Арчибальд пулей вылетел из ландо и стал пробираться к виселице.

– Хочет ли приговорённый сказать последнее слово? – пафосно воскликнул стряпчий, обращаясь к осуждённому.

Тот кивнул:

– Те, кто сегодня собираются затянуть петлю на моей шее пытаются заглушить голос, который они не смогли заставить замолчать иначе. Меня не удалось ни купить, ни заточить в рабство.

Голос у Дойла Райана был низким, грубым и хриплым. Рокочущим, как у зверя.

– Совершая эту показательную казнь, они хотят запугать вас. Поставить на колени. Потому что они боятся. Вас много, а их – мало. Не забывайте об этом. У меня всё.

Солдат накинул петлю из пеньковой верёвки на шею пирата.

Толпа застыла. Насколько Айрис умела улавливать общее настроение (а она это умела) симпатии собравшихся были явно не на стороне властей.

Мужчина повернул голову. Проследив за его взглядом, Айрис увидела соперницу.

В том, что перед ней Каролина Мёрфи не было ни малейшего сомнения.

Разглядывая молодую женщину Айрис никак не могла понять, что она чувствует?

Так легко ненавидеть абстрактный образ. Но всё меняется, когда навязчивая идея обретает определённые черты.

Айрис ожидала увидеть ослепительную красавицу. Роковую оболстительницу с вызывающим, как у представительниц древнейшей профессии, декольте. Но ничего не было. Не вызывающего платья, не шикарной причёски, не яркой, броской внешности. Просто женщина. Молодая. Симпатичная. Каких много.

Пока затягивали петлю на шее её бывшего любовника, блондинка даже не шелохнулась.

– Приступайте!

Похожая на ослика лошадка, запряжённая в повозку, на которой стоял Дойл, начала движение.

Айрис поняла, что глупец-судья либо не успевает, либо не желает вмешиваться.

Интуиция подводила её крайне редко. Ещё до того, как капитан Райан с демонстративным мужеством шагнул вперёд, она начала просчитывать варианты на тему: «Что, если?..». И когда это «если» наступило, в руках уже сжимала револьвер.

Толком не целясь, надеясь на слепую удачу, она спустила курок.

Выстрел прогремел оглушительно, точно взрыв.

Айрис не сразу сообразила, что, во-первых, не промазала – пуля чисто срезала верёвку. А во-вторых, солдаты, охраняющие приговорённого, передёргивают затворы, намереваясь открыть ответный огонь.

– Стойте! Стойте! Остановитесь!!! Не делайте этого, господа! Не стреляйте!!! – прорезался, наконец-таки, голос судьи Арчи.

Местная толпа в обстановке разбиралась быстро. Быть подстреленным в общей неразберихе, да ещё в чужой перестрелке, никому не хотелось. За считанные секунды площадь обезлюдела.

Увидев, как Дойл Райан поднимается с земли, Айрис с облегчением перевела дыхание. Она испугалась, что он сломает себе шею.

Арчибалд Грейсвелл кинулся к несостоявшемуся висельнику, стягивая с него успевшую затянуться петлю. Сам этого сделать осуждённый не мог – руки были связаны.

Расталкивая охрану, Айрис протолкнулась вперёд.

Побледневшая, с судорожно дёргающимися губами, Каролина Мёрфи тоже сделала несколько стремительных шагов, гневно уставившись на Айрис:

– Кто вы такая? По какому праву вмешиваетесь в мои дела?

– Я леди Гордон, – с гордостью заявила Айрис. – Именем короля останавливаю вершимую вами, без суда и следствия, казнь. С прискорбием вынуждена признать, что мой муж, которого я в своё время назначила консортом, не справился с вверенными ему обязанностями. Мои поданные встретили меня жалобой на якобы чинимый на островах произвол и утверждениями, что на Ранерлике вешают людей, сводя личные счёты. Кстати, с кем имею честь говорить?

Каролина Мёрфи выслушала речь Айрис со странной отрешённостью.

Сообразив, что положение её становится, от минуты к минуте, всё более щекотливым, блондинка отвесила церемонный поклон, пряча глаза в попытке скрыть полыхающую в них злость.

– Я Каролина Мёрфи, – представилась она. – Мой отец был на Ранерлике мэром последние десять лет. А сейчас является здесь главным торговым представителем.

– Вы дочь купца? – подчёркнуто презрительно фыркнула Айрис.

– Да, миледи, – с достоинством откликнулась Каролина.

– Ваше положение не позволяет вам брать на себя ту ответственность, что вы на себя возложили. Где мой муж, которого подобные дела, вроде бы, должны касаться в первую очередь?

– Его Светлость больны. На острове вот уже несколько недель свирепствует лихорадка.

– Какой ужас, – в голосе Айрис не прозвучало ни малейшего намёка на испуг или сочувствие. – Но данный факт объясняет лишь отсутствие Оливера. Как насчёт всего остального?

– Мы не могли медлить, боясь, что преступник ускользнёт от возмездия. Этот человек чудовище. Бунтовщик и кровожадный пират. Виселица сполна им заслужена.

– В самом деле? – вопросительно глянула Айрис на Дойла.

В узких глазах мужчины не было ни страха, ни гнева, ни благодарности за неожиданное спасение. Оттуда, как из щели бойниц, глядел зверь. Неукротимый. Неприрученный. Дикий.

– Даже если и так, у вас не было права без суда...

– Вас ввели в заблуждение, говоря, что суда не было. Это неправда, – решила отстаивать свои позиции Каролина Мёрфи. – Мы выслушали показания матросов с кораблей, атакованных капитаном Райаном. А также свидетельства тех, кого он оставил вдовами и сиротами, – голос у Каролины был мягкий, как колокольчик.

Приятный для слуха.

– Капитан Райан и его сообщники нанесли невиданный ущерб благополучию честных граждан Ранерлика. Он пограл саму суть слова «цивилизация». Участь этого пирата полностью им заслужена, можете мне поверить.

– Поверить? Вам? – приподняла бровь Айрис, недвусмысленно давая собеседнице понять во что оценивает данное предложение.

Потом она повернулась к капитану Райану.

– Я слышала вашу почти предсмертную речь. Ваше мужество делает вам честь. Во всём остальном утверждение спорно. Нас вовсе не мало – в численности мы даже превосходим вас. И уж, конечно, мы вас не боимся.

Взгляды Дойла и Айрис скрестились ненадолго. Внимание Айрис вновь заняла соперница-блондинка.

– Что же касается чудовищ, мисс Мёрфи, то каждый из нас для кого-то чудовище. Наши страхи не повод для того, чтобы злоупотреблять властью, используя её в своих целях. Судебных комедий на Ранерлике больше не будет. За этим прослежу лично. А пока, до суда, проводите капитана Райана в темницу.

Вымученно улыбаясь, Каролина отступила на шаг, пропуская вперёд Айрис.

Едва лишь дверца возка за женщинами захлопнулась, кортеж тронулся.

Айрис успела отметить, что в отличие от ландо судьи карета мужа была запряжена шестёркой породистых лошадей, стоявших целое состояние даже в Анатолии. О стоимости выезда в этой глуши можно было только догадываться.

«Оливер разорён, но сыплет блестками в глаза этой пташке», – сузив глаза, гневно думала Айрис.

То, с какой тщательностью муж охранял свою потаскушку тоже бесило. Два офицера гарцевали впереди, двое – сбоку, ещё один гвардеец мчался сзади.

В сумраке кареты разглядеть друг друга было довольно сложно, но именно этим женщины и занимались.

– Вы совершили огромную ошибку, не казнив этого человека, – прошипела Каролина.

– Вы считаете себя вправе давать мне советы? – холодно одёрнула её Айрис.

– Ваша Светлость чужестранка. Вы не знаете местных обычаев и потому легко можете совершить неправильный поступок.

– Не зная меня вы тоже можете совершить неправильный поступок. Например, обронить лишнее.

Выдержав небольшую паузу, Айрис спросила:

Прежде, чем мы продолжил беседу, я хотела бы знать, какую должность вы занимаете при моём муже? Что вы делаете в его доме – нашем доме?

– Лорд Гордон оказал мне честь, назначив своим советником, – с полным спокойствием оповестила Каро Мёрфи.

– Назначил вас – кем? – брезгливо поморщилась Айрис.

– Советником.

– Надеюсь, к такому решению мой муж пришёл после того, как его начала сотрясать лихорадка, а не до? Лихорадочный бред хоть в какой-то мере мог бы послужить оправданием столь странному и противоречивому поступку. Ну и какие же советы и по какому поводу получал от вас мой муж?

– Он не знал, что Слип Барлет никогда не платит за выпивку. Что братья Лорн не ладят с командой капитана Мак-Райля. Не знал, кого из торговцев контролирует хозяйка борделя. Он не знал. И вы – не знаете, – приподняв тоненькие ровные ниточки бровей и неприятно кривя губы сообщила Каро с таким выражением, будто делилась и впрямь существенной информацией.

– Не знаю, но спать мне это не мешает. В отличие от вашего назначения.

– Как печально, – усмехнулась блондинка.

– Ой! – вскрикнула Каро в следующий момент, прижимая ладонь к щеке – длинные, острые ногти Айрис прочертили на нежной коже тонкие глубокие царапины.

Светлые глаза расширились в первый момент скорее от удивления, чем от испуга, но уже в следующую секунду в них сверкала ярость.

– Вы ведёте себя глупо! – рыкнула Каролина.

– Могу себе это позволить.

– Мы не в Аспирлинге!

Видно было, каких усилий Каро стоит сохранять спокойствие. Она едва удерживалась от того, чтобы в ответ на агрессивную выходку не вцепиться Айрис в волосы.

– Столица Адонии далеко! Как и ваши покровители!

– Мои покровители имеют самые длинные руки в мире. Это деньги, милочка.

– Я тоже, знаете ли, далеко не нищая.

Ромбовидное личико кривилось со злости. На выступающих скулах вспыхнул болезненный румянец.

– Тем лучше, – ухмыльнулась Айрис. – Вам будет, куда идти. Потому что как только приедем, придётся собрать вещички и пойти вон. Советник, вы уволены.

– Нет.

– Что, простите?! – опешила от подобной наглости Айрис.

– Не вы меня нанимали, не вам меня и увольнять.

– Вы, видимо, что-то не поняли, мисс Как-Вас-Там? Оливер с должности губернатора снят. А мне вы в привычной для себя роли не пригодитесь. Если мистера Гордона что-то не устроит в моём решении, он сможет убираться за вами вслед. Но я бы на вашем месте на это не рассчитывала.

Шипя друг на друга как две готовые сцепиться кошки, женщины, однако, были вынуждены прервать ссору. Карета, мягко качнувшись на рессорах, остановилась около особняка, окружённого загущенными кустами роз.

Айрис окинула любопытным взглядом благородный двухэтажный особняк из красного кирпича. В этом глухом краю он показался ей чудом изящества. Высокие окна с частным переплётom поднимались от фундамента до карниза. Парадный вход располагался под балконом в выступающем крыле здания. Над красной черепичной крышей вздымались массивные витые трубы.

Горячий ветер вихрил маленькие пылевые смерчи на песчаных дорожках. Занавески в открытых окнах трепетали от потоков сухого воздуха.

Личная прислуга и охрана леди Гордон успев добраться сюда раньше, оповестила о её прибытии остальных. Теперь вся челядь выстроилась перед парадным входом, как и полагается прислуге людей высокого ранга.

По ступенькам спустился дворецкий в сопровождении ливрейного лакея и оба низко склонились перед Айрис.

– Вот вы и дома, леди Гордон, – проговорил дворецкий. – Надеюсь, путешествие не слишком утомило вас? Вы вполне здоровы?

– Чувствую себя превосходно. Но дорога и впрямь была утомительна. Я бы не отказалась принять ванну.

– Воду уже вскипятили.

– Благодарю. Чуть позже я хочу выпить чашечку чая. Добавьте туда мяты и лайма. Мне необходимо успокоиться. Я с прискорбием узнала о болезни мужа.

– Уже слышали, госпожа? Мы готовились сообщить вам это печальное известие чуть позже.

– Надеюсь, угрозы жизни нет?

– Господин не вставал с постели несколько дней. Но мисс Мёрфи трогательно поддерживала душевные и телесные силы больного.

Айрис почувствовала, как от такой «трогательности» скулы сводит.

– За врачом посылали?

– Посылали, миледи. Выписали лекарства у самого лучшего фармацевта на островах. Благодарение Небесам, сегодня утром Его Светлость даже изволили выкушать бульону.

– Утешительная новость. Навещу мужа, как только приведу себя в порядок.

– Лихорадка – заразное заболевание.

– Я знаю.

За дверью их встретил широкий каменный холл, удивительно прохладный по сравнению с температурой на улице.

Айрис поднялась по лестнице на второй этаж. Пройдя по широкому коридору, за тяжёлой дубовой дверью обнаружила небольшой будуар. Мебели в нём было немного, лишь самое необходимое – диван, кресла, письменный стол.

За будуаром расположилась спальня, за ней – ванная комната.

Подойдя к окну, Айрис увидела всё то же запущённый розарий. Чуть дальше простирались травянистые лужайки. За ними синело море. Оно было гораздо ближе, чем Айрис себе представляла. По аквамаринному простору носились белые гребни морской пены, взбитой ветром.

Стоило открыть окно, и комната наполнилась звуками разбивающихся бурунов. Воздух был пропитан солью.

На солнце вдруг набежало облачко и море сразу же, резко изменило цвет. Потемнело до черноты, сделавшись жестоким и безжалостным.

Айрис взгрустнулось. Это море, этот дом, разноцветные лица слуг, непривычная одежда – всё казалось диким, чуждым, враждебным.

Всё пропитано духом соперницы.

«Вы не знаете, – заполнились уши эхом отзвучавшего голоса, сладкого, как мёд, но полного яда, – А я – знаю».

Чтобы отделаться от наваждения, Айрис захлопнула оконную створку и направилась в ванную.

– Помогите расшнуровать корсет, – потребовала она у горничной.

– Да, миледи, – поспешно кинулась выполнять приказ Энни.

С наслаждением погрузилась Айрис в горячую ванну.

– Не представляешь, как я устала, – простонала она, смежая веки.

– На Вашу Милость столько всего свалилось, – посочувствовала служанка. – Думаете, эти головорезы, – Энни передёрнула плечами, – они сдержат слово? Вернут нам корабль?

– У меня есть то, что они хотят – у них то, что нужно мне. Думаю, мы поладим.

– Просто на корабле осталось так много наших людей. Не могу не волноваться об их участи.

– Никто и никогда не говорил о Морганах, что они бросают своих, – одёрнула её Айрис.

– Да, миледи.

Айрис одевалась с такой тщательностью, будто готовилась к приёму. Корсет плотно обхватывал её безупречно узкую талию. Весь вид отличался той трудно достижимой художественной простотой, которая стоила дороже, нежели самые затейливые модные туалеты.

Сидя перед зеркалом, пока Элис трудилась над причёской, Айрис внимательно прислушивалась к звукам в доме.

Память волшебным образом возвращала её в прошлое, на семь лет назад. В тот день, когда она впервые встретила Оливера.

Было поздно, четверть одиннадцатого, но кареты всё продолжали пребывать к дому Морганов. Парадная дверь то и дело отворялась, пропуская поздних гостей и прохладный ночной воздух.

Айрис легкомысленно спихнула обязанность принимать гостей на двоюродную кузину и отца, а сама устремилась в бальный зал, где под звуки музыки кружились элегантные пары.

И Айрис кружилась в танце столько, что у неё разболелась голова. Она была не из тех, кто подпирал собой стену во время балов. Всегда любила танцевать.

Злые языки не без оснований утверждали, что дочка Джорджа Моргана ростом как гренадёр; что ноги и руки у неё слишком длинные и крупные для леди; что щеки запавшие, как у голодной кошки, а скулы и вовсе слишком высоки. Что смеётся она порой слишком громко. Что скачет в седле по-мужски, да ещё с такой ловкостью, что превосходит иных джентльменов.

Несмотря на всё на это недостатка в кавалерах у Айрис никогда не наблюдалось, поэтому сплетни она слушала сплетни в пол уха.

Решив с детства, что не красавица, никогда не огорчалась тем, что не сможет достичь невозможного идеала. Плевать было на то, что устраивает или не устраивает местных кумушек-наседок.

Ну да, она не миниатюрная трепетная блондинка, томно мечтающая о крестах и розах при луне. Смысл об этом печалиться? Волосы не побелеют, а ножка не станет маленькой, как у куклы. Жизнь же слишком интересна, насыщена событиями и полна удовольствиями, чтобы она, Айрис Морган, тратила её на соответствие чужим представлениям.

Она любила танцевать и танцевала. Ей нравилось скакать верхом – она галопировала. Ей доставляли удовольствие запретные романы – она их читала. Хотелось фехтовать – фехтовала и стреляла так, что превосходила родного отца, признанного первым стрелком Анатолии.

В общем, все знали, что дочка Джорджа Моргана эксцентрична, взбалмошна и набалована, но богатство её отца искупало в глазах общества все её недостатки.

Айрис это прекрасно понимала и не стеснялась этим пользоваться.

В тот вечер, устав от бесконечных танцев, чувствуя изнуряющую жажду, она позволила себя ускользнуть из общей залы и выйти на террасу. Притаившись за одной из колонн планировала насладиться одиночеством.

Но кто-то уже успел облюбовать уединённое местечко.

– Ты представляешь?! Ты только представляешь?! – звенел от возмущения голос неизвестного молодого человека.

Видеть его Айрис не могла, зато слышала прекрасно. Даже через чур прекрасно.

– Ну разве это не настоящая тирания!? В этом проклятом дворце люди вызывают у себя рвоту, лишь бы проглотить лишний кусочек очередного деликатеса! Им нет никакого дела до того, что другая половина человечества, – и она в большинстве! – умирает с голоду в буквальном смысле этого слова!

– Уймись, Оливер, твой пыл не уместен. Скажу тебе больше – он опасен.

– Егерь этого проклятого Моргана застрелил в лесу за рекой крестьянина по имени Барри. Бедняга попался на месте преступления – вынимал из силка зайца. Представляешь?! Обычного зайца! И за это убили человека! За то, что он хотел накормить голодную семью!

– Я уже слышал об этом.

– Ты говоришь так, будто считаешь нормальным убивать людей за охоту на кроликов? Я спрашиваю тебя, разве это не акт тирании?

– То, что Морганы звери, всем известно. Со стороны крестьянина крайне глупо было воровать на их угодьях.

– И это всё, что ты можешь сказать?!

– Я вообще не вижу смысла что-либо говорить на эту тему.

– Вот как? – обиженно протянул тот, кого Айрис про себя окрестила «энтузиастом».

– Да. Надеюсь у меня достаточно практичный склад ума, чтобы не воевать с ветренными мельницами.

– Я обращаюсь за правосудием!

– Против банкира Моргана? – с явным сомнением протянул приятный голос.

– А почему бы и нет?!

– Потому что твой рыцарский порыв ни к чему не приведёт. Волки не пожирают волков. Айрис заинтересовалась молодыми людьми. Они отличались уже хотя бы тем, что вместо того, чтобы бессмысленно носиться за девушками, пытались вести осмысленную беседу.

На балу, ага!

Из этого, по мнению Айрис, вытекало, что, либо они большие умники, либо законченные тупицы. И в том, и в другом случае они выделялись из серой массы и заслуживали внимания.

Дождавшись, когда молодые люди закончат беседу, Айрис, со свойственной ей изысканной небрежностью движений, в которых презрение к окружающим удивительным образом смешивалось со снисходительностью, сделала шаг вперёд. Она, не таясь, пристально, почти в упор, разглядывала молодого человека, не мало удивлённого таким вниманием, прямо оказанным этой странной девушкой.

В ответ на её пристальный взгляд молодой человек почтительно склонил голову.

Лицо его показалось Айрис печальным. В карих глазах с длинными, как у девушки, ресницами, можно было прочесть что угодно, кроме дружелюбия и приветливости.

– Мы знакомы? – тихо проговорил молодой человек.

И его голос снова погладил слух Айрис мягкой кошачьей лапкой.

– Едва ли! – тряхнула головой она. – Но это досадное для меня недоразумение пришла пора исправить.

Она протянула ему руку, глядя смело в глаза:

– Айрис Морган, дочь волка и тирана. И, к вашему огромному несчастью, я решила сегодня поохотиться. На вас, – добавила она с улыбкой.

А он просто стоял и смотрел на неё детскими восхищёнными глазами, словно влюбился с первого взгляда.

Эта сцена стояла у Айрис перед глазами до сих пор. Так, будто всё случилось только вчера.

Она тряхнула головой, отгоняя тягостные мысли. Воспоминания, способные выпить силы не стоят того, чтобы им предаваться.

Для себя она определила с самого начала цель своего приезда сюда – месть.

Айрис приехала, чтобы отомстить мужу. Заставить его пожалеть о содеянном.

Стоит поддаться подобным настроением и пиши пропало. Тоска навалится, опутав чёрными щупальцами. Начнёшь сомневаться во всём и прежде всего в себе.

Из отражения вновь выглянуло лицо Оливера. Улыбающееся, как в вечер их первой встречи.

– По какому праву объявлена охота?

– По древнейшему праву силы.

– Я пока ещё не являюсь вассалом Морганов. Меня так же нет и в списке ваших должников.

– Значит, я не дождусь от вас фразы: «К вашим услугам?».

– Что-что? – непонимающе глянул на неё молодой человек.

Айрис рассмеялась:

– Ну, в приличном обществе джентльмены часто говорят леди: «К вашим услугам».

Она изобразила намёк на приличествующий в данном случае поклон.

– Не очень-то вы похожи на благородную даму, – усмехнулся молодой человек.

Айрис отметила про себя, что он был высок, худощав и смугл, как цыган.

– Как будто вы можете о них судить? – с провоцирующей насмешкой проговорила она. – Думается мне, вам не часто доводилось видеть благородных дам?

С вызовом глядя в его чёрные, как ночь, глаза, Айрис протянула руку. Оливер прикоснулся губами к её пальцам. Впервые в жизни она тогда почувствовала какое-то необъяснимое волнение, похожее на тревогу, но только скорее сладкое, чем горькое.

С того мгновения Айрис незаметно для себя вступила в счастливую волшебную страну флирта, случайных многозначительных взглядов и прикосновений.

Случайных – но заранее запланированных.

Она не упустила ни одну многочисленную хитроумную уловку из тех, что придумала половина прекрасного рода человеческого для того, чтобы привлечь к себе внимание мужчины.

Она была инициатором переписок с головоломками. Отправила Оливеру послание с рисунком, изображающим мифическую хищную рыбу, пронзённую огромной стрелой.

Не надеялась, что он сумеет разгадать смысл её тайного послания: «Оседлая стрелу, будь смел и решителен. Не медли, лети как птица!».

Но ответ пришёл быстро.

И тоже был с загадкой – свернувшаяся в кольцо змея кусала собственный хвост. Уроборос: вечность и бесконечность, чередование созидания и разрушения, жизни и смерти, постоянного перерождения и гибели.

Айрис тогда предпочла прочесть это как «любовь без границ».

– Ваша красота не уступает вашей дерзости, – с привычной саркастичной усмешкой сказал Оливер ей при встрече.

– Вы так думаете? И ваши слова искренни?

– Более чем.

– Вы даже не уточнили, о чём я говорю? О дерзости или собственной красоте?

– Как любую женщину красота вас, конечно же, интересует сильнее.

Айрис дёрнулась:

– Я знаю, что не красавица. К чему ваша грубая лесть?

– Может быть, вы и не писанная красавица, но уж в чём, в чём, а в собственной привлекательности вы точно не сомневаетесь.

– С красотой разобрались. В чём же моя дерзость?

– Во всём. Вам ведь наверняка известно, какая пропасть разделяет нас с вами?

– Что вы имеете в виду?

– Разницу наших финансовых положений. Гордоны старинный, но обедневший род. И пусть предки мои участвовали ещё в Святых Походах, кого этим сегодня удивишь? Мой дед потерял право на титул, а отец проиграл в карты остатки фамильного состояния. Если бы не мой крёстный, я даже образования не сумел бы получить. Лишь благодаря протекции этого святого человека я сумел изучить право и на сегодняшний день моё социальное положение крайне двусмысленно. В силу неопределённости своего происхождения я ни дворянин, ни простолюдин.

Айрис гордо вскинула голову:

– Мне дела нет до этих глупых предубеждений. Для меня значение имеет человек, а не предрассудки.

Оливер схватил её руку и сжал в горячих ладонях, жадно заглядывая в глаза:

– И вы, сударыня, сейчас искренни?

– Конечно.

– Не играйте со мной! Сердце моё в ваших руках.

– Я говорю вам то, что чувствую.

Их свидания становились всё чаще. Места для них выбирались всё более уединённые – густо заросший парк и беседка у озера часто служили молодым людям укрытием.

– Почему вы так смотрите на меня? – спросила однажды Айрис.

– Хочу сохранить ваш образ в памяти навсегда, – ответил тогда Оливер.

– Вам нравится моё платье? – покружилась перед ним, смеясь, Айрис.

– Да. Очень! Оно красивое. Вся ваша жизнь окружена красотой. И когда вы рядом, кажется так естественно, что рядом и она. Ведь недаром Творец подарил красоту нам? В ней нет ничего грешного. Правда?

Говоря это, Оливер приблизился и, словно боясь обидеть или оскорбить, осторожно положил руки девушке на талию.

Айрис и не думала отталкивать или оскорбляться. Она с нежностью прикоснулась к его тёплой, чуть колючей от пробивающейся к вечеру щетины, щеке.

– Я пообещала себе, что непременно встречу в этой жизни того, кто тронет моё сердце.

Сердце её действительно колотилось быстро-быстро. Словно в груди жила маленькая птичка, желающая лететь:

– Поцелуйте меня, – попросила Айрис.

И они потянулись друг другу, робко, несмело, неумело.

Ни у одного из них тогда не было любовного опыта. И всё же поцелуй был сладок. Ночь прохладна, а вдвоём было тепло.

Теперь вот тропическая жара, а руки стынут от одной мысли, что придётся идти к Оливеру.

Разговаривать с ним.

Как же так происходит?

Как люди могут незаметно для себя пересекать черту? Переходить границу от любви к ненависти? Чувства, словно теряющие в цене облигации, превращаются в ничего не значащие бумажки. Вчера богач – сегодня банкрот.

Ярость и боль коршуном сжали сердце.

Неужели для мужчины достаточно всего одной сладкой шёлки, чтобы перечеркнуть все? Абсолютно всё! Выбросить на помойку, как ненужную упаковку?

Неужели Оливер ни разу не подумал о ней? О её боли? Её чувствах?

«Я хочу запомнить тебя навсегда!».

Но навсегда, увы, не бывает. Разумом это понимаешь, даже принимаешь. Только боль от этого меньше не становится.

Нужно идти к Оливеру.

Нужно начать то, ради чего приехала. Спалить всё к чёртовой матери. Но прежде чем пожар поглотит останки их былой жизни, Айрис поклялась себе заставить Оливера и его шлюху гореть в агонии. Подышать от той же боли, что снедала её.

«Это война, Оливер», – прошептала Айрис и поднялась, готовая начать бой.

Багровое солнце клонилось к горизонту, повиснув в низкой пелене тумана.

Она молча шла по тёмному коридору к двери, ведущей в спальню мужа. Глубоко вздохнув, распахнула её и, шумя волнами шёлка, переступила порог.

Спальня утопала в полумраке. На окнах опустили шторы, мешая алым лучам закатного солнца проникать вглубь. Камин был растоплен. Ровное тепло, идущее от поленьев казалось совершенно лишним и в без того перенасыщенном духотой воздухе.

Против ожидания, она застала Оливера не в кровати. Сутулясь, он сидел в кресле у огня. Скрип двери заставил его оглянуться.

Видно было, уже какое-то время муж напряжённо ждал её прихода. Красный отсвет падал от углей, подчёркивая заострившиеся черты изжелта-бледного лица с лихорадочно горящими глазами.

Выглядел Оливер отвратительно. Даже хуже, чем Айрис надеялась. А бить лежачего в её представлении было подло.

– Пришла, наконец?

– Вы ждали меня? – с нервным смешком откликнулась она.

– Мне доложили, что ты приехала. Надеюсь, путешествие показалось приятным? Я не раз писал, что здесь небезопасно. Тебе не следовало приезжать, рискуя собой...

– Лицемер из тебя всегда был жалкий.

Айрис не пыталась смягчать свой голос. В нём звенели льдинки.

– О! Конечно же я верю, что ты действовал исключительно в моих интересах, настаивая на том, чтобы я держалась отсюда подальше. Не смей! Всем хорошо известно, как ревнивые жёны утомительны. Весьма неудобно иметь под боком такую. Это ограничивает свободу и мешает радоваться жизни, так сказать, в полном объёме.

– Айрис, мы не виделись почти год. Неужели нельзя было начать нашу встречу как-то иначе? – раздражённо поморщился Оливер, устало потирая переносицу.

Айрис рассмеялась.

– Ты действительно обрадуешься, если я сейчас кинусь к тебе на шею, душа в объятиях?

– Целовать зачумлённых, бьющихся в лихорадке, не в твоих правилах, – с сарказмом фыркнул Оливер.

– Добиваетесь моей жалости, сударь? Стоит ли мне воспринимать эту фразу как просьбу об отсрочке разговора? Это можно. Поправляйся и отдыхай.

– Не нужно отсрочек. Ты получила моё письмо с просьбой о разводе? Вижу, что получила. Зачем же приехала? Разве не достойнее было бы принять неизбежное со смирением? К тому же твой приезд ничего не изменит. Я не отступлюсь от своих чувств к Каролине. Если нужно, пойду в огонь, лишь бы защитить её. Да и ты, насколько я знаю тебя, вовсе не из тех, кто будет довольствоваться обедками с чужого стола?

К подобному повороту событий Айрис была не готова. Она ожидала, что, узрев её сиятельную персону, муж падёт к её ногам, признает вину и чистосердечно во всём покается.

Но, судя по всему, приступ любовной горячки достиг апогея. Оливер потерял и мозг, и совесть.

– Обедки с чужого стола подбираю вовсе не я, – холодно ответила Айрис, – а твоя продажная маленькая жадная шлюха.

– Не смей оскорблять её!

Айрис продолжала, будто не слыша:

– Хотя нет, она не подбирает обедки – она их ворует. Любому, кроме тебя, хватило бы двадцати четырех часов в её обществе, чтобы понять, чего она стоит.

– Ты не можешь судить её. Ты её даже не знаешь!

– Мне не очень приятно общаться с твоей спиной, Оливер. Ведь твоя интрижка...

– Это не интрижка!

– Эпизод...

– Не эпизод!

– Ладно-ладно! Любовь твоей жизни ещё не повод чтобы не смотреть мне в глаза!

Оливер с вызовом повернулся, но взгляд его был бегающим. Как у труса на дуэли, подозревающего, что соперник успеет выстрелить первым и вряд ли промахнётся.

– Ну, вот, – удовлетворённо улыбнулась Айрис. – Так-то лучше. На чём мы остановились?

Она игриво намотала чёрный локон на палец.

– Ах, да! Ты пойдёшь в огонь и в воду за свою маленькую лживую островитянку...

– Она не лживая.

– Конечно-конечно. В любви она клялась тебе одному. Тому пирату, которого я сегодня, бедняжку, едва успела вытянуть из петли, она в любви, наверное, никогда не клялась! Молча ему давала.

– Как вы грубы, сударыня! Опомнитесь! Вы же леди!

– И что? В вашем представлении все леди, без исключения, безмозглы и беспомощны? Их такими специально растят, чтобы джентльменам было жить удобнее. Тут мы переходим ко

второму пункту, что вы озвучили – что-то там насчёт бла-бла-бла?.. Ах, да! «Принять неизбежное с достоинством, приличествующим женщине?». То есть, я должна нести через годы и континенты клеймо брошенной жены? Гордо таскать за собой шлейф сплетен о том, как мол, эта гренадёрша купила мужа, а он всё равно взял да удрал за море-океан искать счастье с другой? По-твоему, мой долг принять всё это как должное? Утереться полотенчиком, что ты, мой сладкий, для меня соткал? Овеять постный лик свой мученической короной всепрощающей жены? Ну уж нет! Я предпочту анекдоты о жене-стерве, подпалившей задницу портовой шлюшке и кастрировавшей своего неверного муженька.

– Ты ведёшь себя как торговка селёдкой, – с презрением протянул Оливер. – Хочешь со мной поссориться?

– Как ты догадался? Да! Я приехала чтобы заставить вас обоих заплатить по счетам во всех смыслах этого слова. Ты мой должник. Ты банкрот. А если сделаешь ещё хоть шаг в мою сторону, станешь евнухом. Привычка держать оружие всегда при себе у меня никуда не делась. Отстрелю тебе твоё хозяйство – рука не дрогнет. Всё равно мне им уже не пользоваться. А чужое добро я беречь никогда не умела.

– Ты!.. Злобная маленькая стерва!

– Решил напоследок наговорить лживых комплиментов? Это я-то маленькая? Если бы!

Оливер не был трусом, что бы там Айрис сейчас не утверждала. Однако вид жены, похожей в этот момент на демона, всерьёз его пугал.

Он предпочёл бы встретиться лицом к лицу с любым противником, с которым можно было бы решить дело оружием и прямой схваткой, чем с одной разъярённой из-за уязвлённого самолюбия женщиной.

В сердцах ему хотелось придушить Айрис, но он сдержался и так и не изменил своему принципу никогда не поднимать руку на женщину. От нахлынувших и не выплеснутых эмоций Оливер зашёлся в приступе кашля.

Любая другая женщина отступилась бы, проявляя свойственное женской природе милосердие, гуманность и мягкость характера.

Любая другая, только не эта хищница в юбке!

– О! Как вовремя напоминаешь, что ты болен, – скривилась Айрис. – Надеешься меня этим растрогать? С учетом последних событий можешь хоть сдохнуть – сэкономлю расходы на развод. Даже лучше – никто не узнает о твоём печальном поведении. Ладно, ты покашляй пока. А я тут твою драгоценную зазнобу из дома пойду вышвырну. Её присутствие здесь меня, мягко говоря, не радует.

– Ты не посмеешь выгнать Каролину из моего дома!

Айрис ответила лишь взглядом. Но очень выразительным. И направилась к двери.

– Айрис! – повысил голос Оливер. – Ты меня слышала?!

– Слышала. Посмею ли я выгнать Каро из *твоего* дома? Да! Не сомневайся в этом. К тому же всё твоё – моё. Забыл? И никто моим кроме меня пользоваться не будет.

– Айрис! Это не Аринвилд! Не Анадолія! Здесь ночью выходить за ворота опасно! Ты же не бросишь девочку на верную смерть?

– Брошу. Ещё как брошу я твою «девочку» на верную смерть. С превеликим удовольствием.

– Ты бездушна!

– О, да!

– Я тебе не позволю!!!

Распахнув дверь, прямо на пороге Айрис нос к носу столкнулась с Каро.

Та, пользуясь случаем, нагло подслушивала.

– Что вы здесь делаете? – ледяным тоном спросила Айрис у соперницы.

– Я... я должна была убедиться, что с господином губернатором всё в порядке, – в глазах змеи читались растерянность и злость.

– Господин губернатор это я. И, как видишь, я в порядке, – с возрастающей надменностью, чеканя каждое слово, проговорила Айрис

– Встреча с вами способна взволновать вашего мужа. В его положении это вредно.

– В его положении? О! Он, случаем, не беременный ли?

– Всегда считала, что леди из высшего общества являют собой эталон изящества. Вынуждена признать, ваши манеры просто ужасны.

С каждой секундой, проведённой в обществе наглой Каро, гнев Айрис возрастал. И она не видела причин сдерживать его.

– Уж простите что разочаровала, – пожалала она плечами. – И за то, что разочарую сейчас ещё больше. Потому что иногда мы, дамы из высшего общества, делаем так.

Резко схватив соперницу за волосы, Айрис заставила её согнуться и когда это случилось, ударила коленом в живот. Прежде чем Каро успела опомниться и оказать сопротивление, Айрис, по-прежнему крепко вцепившись в блондинистые кудри, волоком втащила врагиню в комнату. Пинком под округлый очаровательный зад придала ей ускорение.

– Каролина! – рванулся вперёд Оливер, но прежде, чем успел помочь своей зазнобе, та вырвалась без посторонней помощи.

Метнувшись к столу, схватила полупустую бутылку вина и изо всех сил жახнула об острый угол, брызгая по ковру острыми осколками стекла.

Зажимая в кулаке остроконечную стеклянную розочку, Каролина молча набросилась на Айрис.

– Нет! Каролина!!! – взвыл Оливер.

Но бывшего губернатора, похоже, никто не желал слушать.

Айрис едва успела уйти от удара, перехватив руку соперницы. Мышцы заныли от напряжения. Несмотря на кажущуюся хрупкость, на невысокий рост, Каро была сильной, как кошка.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы Оливер всё-таки не вмешался. Схватив любовницу со спины, он оттащил её от жены

– Прекрати, Каролина! – пробовал он увещевать.

– Пусты меня!

Каро всё-таки вырвалась и снова кинулась к Айрис.

Но на этот раз Айрис встретила её более агрессивно. Выхватила револьвер и почти уперла дуло в лицо разбушевавшейся любовнице мужа.

Взведённый курок прозвучал в притихшей комнате негромко и в тоже время оглушительно.

Каролина замерла, выставив вперёд руки, то ли сдаваясь, то ли призывая соперницу к благоразумию.

– Можешь назвать хоть одну причину, по которой мне не следует дёрнуть спусковой крючок? – как-то даже почти ласково поинтересовалась Айрис.

– Айрис... не надо...

– Даже не думай, Оливер. Сделаешь ещё полшага в нашу сторону, и я за последствия не отвечаю.

– Прошу тебя...

– Не стоит. Твои просьбы меня злят. А злость, как известно, плохой советчик. Даже и не думай! – предупредила Айрис, заметив лёгкое движение, свидетельствующее о том, что её враг намерен отклонить угрожающий ему удар. – Я убью тебя прежде, чем ты успеешь выбить пистолет у меня из рук. И никто меня за это не осудит. Закон здесь – это я.

– Ты не выстрелишь, – нервно слотнула Каро.

– Провоцируешь? – прищурилась Айрис. – Не рискуй. Я и сама не знаю, выстрелю или нет. Предлагаю не подогревать ситуацию, накаляя её до кипятка. Оливер? Я опущу пистолет, если ты меня об этом попросишь.

– Опустит, пожалуйста, пистолет, Айрис.

– Ты совсем не умеешь просить? Твоим голосом можно заморозить пустыню, – капризно протянула Айрис. – Попробуй-ка ещё раз. На это раз на коленях.

Оливер опустил на колени:

– Опустит пистолет, Айрис! Прекрати этот нелепый фарс. Чтобы бы ты там не пыталась доказать – не надо. Это я причинил тебе боль. Со мной и разбирайся, а её отпусти. Мне жаль, что так получилось. Правда, жаль. Просто иногда мы не хозяева своим чувствам...

– Не знаю, тронуты ли вы, Каролина? Я прониклась. Сейчас расплачусь. Такие высокие чувства! – нарочито закатила глаза Айрис.

Потом медленно опустила оружие.

– Ну, что стоишь? Иди к своему голубку. Разрешаю. Повисни у него на шее, всплакните оба. У вас на всё про всё не более четверти часа. Потом чтобы духа твоего в доме не было.

Тратить слова было больше не на что. Оставалось только выйти. Что Айрис и сделала. Больше ни с кем, слава богу, на пороге не столкнувшись, ровным шагом дошла до своей комнаты. Тихо закрыла дверь. И только тогда позволила себе сломаться, без сил опустившись на пол.

Хотелось волком выть, землю грызть, выковырнуть из груди проклятое сердце.

Она, конечно, отыграла роль злой колдуньи на отлично. Но что толку? Добро и любовь, как положено, одержали очередную знаменательную победу над ревностью, мстительностью и злобой. Только и осталось, что в лучшем классическом стиле хохотать злодейским смехом.

Что толку быть победителем, если празднуешь свою победу в гордом одиночестве, а побеждённые вместе и счастливы?

Позволить плакать себе нельзя. Красные опухшие глаза в один момент вырвут из образа бессердечной злодейки и вся сцена насмарку.

Слёз и не было – эдакая песчаная буря без капли дождя. Выжигает душу намертво.

Наконец чуткий слух уловил скрип двери и чёткие шаги Каролины, удаляющиеся в сторону лестницы. Айрис поднялась, ущипнув себя за щеки, чтобы вызвать немного румянца. Она решила, что момент-Х настал. Пора поговорить с Оливером по-настоящему.

Но, толкнув дверь, с удивлением застала мужа за сборами чемодана.

– Что ты делаешь? – искренне удивилась она. – Решился, таки, уйти в ночь вместе со своей подзаборной шавкой?

– Не смей называть её так!

– Или – что?

Ответа не последовало.

– Так и думала, что ничего, – удовлетворённо кивнула Айрис. – Я привыкла называть вещи своими именами. Даже ради чувства, которое некогда питала к тебе, своих привычек не оставлю.

– Мне больше нет дела до твоих привычек. Наш брак исчерпал себя. Я уйду. Если хочешь, можешь продолжать считаться замужней женщиной, если хочешь – зафиксируй юридически то, что стало свершившимся фактом.

Пронзительно громко защёлкнулись застёжки на чемодане.

Оливер выпрямился и посмотрел на Айрис.

– Никуда ты не уходишь. Так что оставь чемодан в покое, – невозмутимо сообщила ему Айрис, скрещивая руки на груди.

– Я тебя не понимаю.

– Ты никуда не идёшь. Что в этой фразе непонятного?

– Ты с ума сошла?! Ты всерьёз думаешь, что после всего, что ты тут натворила – после всего, что случилось, я останусь?!

– Не думаю, – с нескрываемым презрением пожала плечами Айрис. – Знаю. И не стой с открытым ртом. Тебе не идёт. Давай, открывай лучше чемоданчик да рассовывай свои рубашки и камзолы обратно в сундук.

– Ты до такой степени меня не уважаешь?!

– Вообще-то – да. Не уважаю. И мне кажется это нормально. Какой из твоих поступков должен внушать уважение? Может быть для тебя это прозвучит откровением, но в этой ситуации нет положительных героев. Ты – расчётливый жигало, удачно женившийся на мешке с деньгами. Себя я вижу душой, которая семь лет пребывала в счастливом неведении относительно того, что женились не на ней, а на деньгах и связях. А про Каро даже и говорить нечего.

В глубине карих глаз Оливера промелькнуло что-то, подозрительно похожее то ли на раскаяние, то ли на жалость:

– Я любил тебя, но наш брак давно стал пустой кожурой. Я не хотел этого, клянусь, но это случилось. Разве я виноват в том, что полюбил...

Айрис вскинула руку, знаком призывая замолчать.

– Люби кого хочешь и как хочешь. Но жить ты будешь со мной в этом доме. И будешь делать вид, что обожаешь не только меня, но даже след моих сандалий.

– Ты просто сумасшедшая!

– Разве? Мне предстоит борьба за власть на острове, принадлежащим мужчинам. Будет легче с ними поладить, если за моей спиной будет маячить фигура мужа, пусть даже такого никчёмного болвана, как ты. Можешь не сомневаться, мне тоже не улыбается видеть твою постную физиономию, озадаченную пылкой любовью к другой, но придётся потерпеть. Какое-то время.

– А если я...

– Если ты не согласишься? Тогда я использую гнусный шантаж. Буду бить по самому больному месту – по твоей большой любви. Обвинений с твоей шлюхи ведь никто не снимал? На ней по-прежнему висит приговор за пособничество пиратам и обвинения в контрабанде. Рыпнись – и я повешу её на той самой виселице, с которой сняла Дойла Райана. Чтобы этого с ней не случилось, тебе придётся убедить Каро Мёрфи, что ты любишь меня и не готов разрушить наш брак.

– Это неправда!

– А вот этого ты ей не скажешь. А если скажешь, то это будет последнее, что она услышит от тебя в этой жизни. Пеньковый галстук, на мой взгляд, будет ей так к лицу! Я ясно обрисовала перспективу? Выбор за тобой.

– Змея! Волчица, а не женщина! Да будь ты проклята! – брызжа слюной, вопил Оливер.

– От твоих речей так и веет мужеством и силой, дорогой. Спектакль сегодня бесподобный. Развлекуха невероятная.

– Я верю, ты заплатишь за свои грехи! Бог тебя покарает!

– Куда больше-то? Меня угораздило выйти за тебя замуж. И смех, и грех, и кара.

– Ты!...

– Всё, Оливер. Хватит лаять. Сейчас спускаемся вниз и ты осваиваешь новую команду: «Фас».

– Я...

– Иди.

Она не знала, что больше хотелось сделать – разрыдаться в голос? Расхохотаться?

Потом что он послушно пошёл.

Глава 3. Заговор и договор

Айрис всегда плохо засыпала на новом месте.

В этот же вечер, обуреваемая не самыми приятными эмоциями: чувством одиночества, страхом, злостью, прокручивая в голове одну за другой сцены, в которых она расправлялась с соперницей, а заодно и с мужем, Айрис вертелась ужом на сковороде, переворачиваясь с бока на бок, будучи никак не в силах погрузиться в волны сновидений. Когда же она стала засыпать, обрывочно замелькали фразы, жесты, взгляды – сон, словно зеркало, отразил события ушедшего дня.

Утром Айрис проснулась с тяжёлой головой, как после глубокого похмелья. Да отчасти это и было похмельем, только упила она не вином, а злостью.

Прислуга, не получив никаких дополнительных указаний, решила действовать по привычному распорядку. Так что и Энни, и Элисс были на своих местах, дожидаясь начала утреннего туалета своей госпожи.

– Каролину Мёрфи проводили вчера успешно? – спросила Айрис у служанок.

Она была бы удивлена, окажись те не в курсе последних событий.

– Да, госпожа. Всё исполнили в точности, как вы и приказали.

– Рада слышать. Завтрак тут подают в котором часу?

– В восемь, миледи.

– Его Светлость спустится сегодня к завтраку?

– Желаете, чтобы я узнала?

– Нет, не стоит, – подумав, покачала головой Айрис. – Лучше распорядись, чтобы запрягли экипаж. И ещё – мне потребуется охрана. Так что пусть солдаты будут наготове.

Руки Элис ловко порхали над тёмными прядями волос Айрис, заканчивая причёску:

– Так хорошо, госпожа?

– Да, – удовлетворённо кивнула та.

Благодаря стараниям верной наперсницы следы бессонной ночи, как и следы терзающих душу страстей бесследно исчезли с лица. С той стороны зазеркалья на Айрис смотрела свежая, как ветерок, одетая подкупающе просто, убранная столь же искусно, как сама природа, молодая женщина.

Оставшаяся собой довольна, Айрис спустилась в столовую.

– Доброе утро, – приветствовала она супруга.

– Доброе, – хмуро кивнул он.

Оливер сидел за столом с самым мрачным видом. Можно было подумать, что его тошнит от одного вида пищи.

А вот стол, в отличие от мужа, выглядел нарядно. Кажется, местные рабы знают своё дело не хуже вышколенных анадоллийских слуг?

Деловито прошагав к своему месту за столом, Айрис подала знак лакею наполнить чашку кипятком и потянулась к бутербродам. С аппетитом, который она не теряла практически не при каких обстоятельствах, приступила к завтраку.

– Чем планируете заняться днём? – деловито поинтересовалась она у мужа.

– Полагаете, мне нечем заняться?

Оливер что только ядом не брызгал.

– Уверена, дел у вас предостаточно, – усмехнулась Айрис. – Просто хотела уточнить, какое из них вы предпочтёте делать на данный момент? Но если это тайна – пусть тайной остаётся.

– Что конкретно ваше сиятельство желает знать? – с сарказмом глянул на Айрис муж. – Что ставить в приоритет: финансовое, военное, торговое положение дел на Ранерлике?

– Меня интересует абсолютно всё. Собери городской совет. Предупреди о грядущей ревизии. Пусть подготовятся.

– Боюсь, дорогая, что одного дня местным деловарам покажется недостаточно.

– Пойду на уступки и дам два. Но не часом больше. Назначь встречу на послезавтра в полдень.

– В полдень слишком жарко. Местные жители предпочитают в этот час предаваться сие-сте.

– Придётся поменять привычки, – раздражённо сжала губы Айрис. – Ладно! – решила пойти она на уступки. – Назначь то время, которое здесь сочтут приемлемым.

– Ты всерьёз собираешься вести дела на острове? – небрежно, даже презрительно протянул Оливер. – Отвечать за благополучие его жителей? И – каких жителей! На Ранерлике собралось весьма разношерстное и трудноуправляемое общество. Держать их в узде трудно даже мужчине, привычному к власти.

– Ты это о себе так скромно?

Улыбка сошла с бледного лица Оливера.

– Айрис, за время нашего знакомства я знал тебя разной. Но ты никогда не была глупой.

– И? – метнула она в него насмешливый взгляд. – Что дальше?

– Ты не можешь не понимать того, что элементарно не в состоянии выполнять обязанности, которые пытаешься на себя возложить. Здесь идёт настоящая война. Ты же всего лишь женщина...

– Знаете, что может сделать «всего лишь женщина» на посту губернатора? Если она, как я, не стратег, не тактик, не воин? Она сможет найти мужчину, который будет и то, и другое, и третье. Именно этим я и планирую заняться, – Айрис смахнула крошки с рук на хрустящую от крахмала салфетку.

– Это чистой воды безумие, – мрачно прокомментировал Оливер. – Ты ведь не собираешься дать эти полномочия капитану Райану? – с подозрением глянул он на Айрис. – Поверь, ничего более глупого придумать невозможно.

– С твоей точки зрения – безусловно.

– Вот одна из причин, по которой власть нельзя доверять женщинам! Ты способна свергнуть Ранерлик в хаос из личной мести? Из всего сброда, что зовётся береговым братством, нет человека более непримиримого чем тот, кому ты намерена довериться. И только потому, что хочешь причинить мне боль.

– Тебе?

– Мне. Или Каролине. Но гнев плохой советчик. Ты всех нас погубишь. Как женщина всегда губила род человеческий от сотворения мира.

– Ну, род человеческий пока жив и здравствует. Значит, не так уж сильно и губила. А что касается остальных твоих фантазий? Даже не уверена, стоит ли их комментировать. Но, пожалуй, всё-так сделаю это. Наделять пирата Райана властью глупо. Почти так же, как и казнить его, превращая в знамя, делая из головореза героя.

– Ты ведь на станешь отрицать, что собираешься сейчас к нему поехать?

– Не стану.

– И с какой целью?

– Намерена его отпустить.

– Что?! Да ты с ума сошла?!

– По Ранерлику разгуливает орда пиратов. Одним больше, одним меньше – какая разница? Не пойму твоей бурной реакции?

– Это не просто пират – это настоящий дьявол! И выпускать его сейчас на свободу, всё равно что бросать факел в бочку с порохом.

– Уверена, ты драматизируешь.

– Ты хоть представляешь сколько усилий мне стоило поймать этого человека?
– Надеюсь, кувьрки в моей постели с его бывшей пассией под определение «усилия» не попадают? – иронично изогнула бровь Айрис.

Оливер в ответ смачно чертыхнулся:

– Не своди всё к одному!

– Я? – удивилась Айрис.

Потом, не сдержавшись уточнила:

– А это действительно ты его поймал? Сам? Лично?

– Он успел перебить кучу моих людей. Из-за него мы потеряли сокровище... – словно и не слыша вопроса Айрис, продолжил Оливер.

– Какое сокровище? – оживилась Айрис.

Повисла пауза.

Ответа так и не последовало. Оливер неожиданно увлёкся завтраком и Айрис решила не акцентировать на этом внимание. Её, в отличие от большинства людей, деньги интересовали мало. Выросшая в семействе банкиров, чьи щупальца, словно спрут, опутали половину мира, она с младых ногтей ела с золотых блюд золотыми ложками. Поэтому волшебное слово «сокровище» не возымело привычного действия.

Однако тому, что к любовной истории примешались ещё и деньги, Айрис не удивилась. Без денег какая любовь?

– Ты боишься, что, освободившись, Доил Райан бросится сводить счёты с Каролиной?

Она хотела это сказать спокойно и чётко, но голос прозвучал хрипло и неестественно громко. Чуть ли не с надрывом.

– А ты на это надеешься?

Оливер с ненавистью посмотрел на жену.

– Ну уж точно возражать не буду, – не стала отрицать очевидного Айрис.

Они разошлись в соре, чуть ли не врагами.

За железными воротами Айрис дожидалась карета с полированными панелями из красного дерева. Герб супруга ослепительно сверкал на солнце лазурью и золотом.

Лакей услужливо распахнул дверцу, опуская подножку перед госпожой. Форейтор тронул вожжами бока лошадей и экипаж тронулся, сопровождаемый всадниками. Каретные рессоры, гнутые наподобие скрипичного ключа, упруго качнулись под продолговатым кузовом. Грохот колёс отозвался гулким эхом на огромном, плохо мощённом дворе.

С места, на котором сидела Айрис, можно было рассмотреть только небо. Оно было кристально-чистым. Лишь на северо-западе горизонт затягивала лёгкая пелена, похожая на кружевную вуаль.

Улицы были пусты и безлюдны. Стрелки на часах ещё не успели приблизиться к десяти утра, а проклятая духота уже донимала. Воздух сделался горячим, неподвижным и вязким.

Комендант тюремной крепости, не теряя лишних слов ни на что, кроме выражения почтительности, поторопился препроводить леди Гордон к узнику. Следуя за ним Айрис спустилась по двум лестницам в глухое тюремное подземелье, вырубленное прямо в скале. После жара, царившего наверху в первые секунды контраст был даже приятным. Потом озноб стал пробираться до костей и Айрис пожалела, что не взяла с собой хотя бы шали.

Свернув пару раз из коридора в коридор, она остановилась перед железной дверью в угловом каземате. Служитель зазвенел ключами, отпирая засовы и замки. Дверь неохотно распахнулась.

В камере ожидаемо не было окон. Свет распространялся от факелов, оставляющих на влажных от вечной сырости стенах следы обильной чёрной копоти.

Пленник сидел на убитом колченогом табурете, уронив голову вниз, так, что волосы закрывали лицо. Он, по всей видимости, дремал. Появлению незваных и вряд ли желанных визитёров его разбудило. Он поднял голову.

Увидев шальной и дикий блеск в его глазах, поймавших отсвет фонаря, Айрис невольно вздрогнула.

Когда она была девочкой, отец подарил ей льва. Настоящего бурого песчаного льва с острыми, как кинжалы, клыками и кровожадными когтями. Айрис было тогда едва-едва двенадцать и от этого подарка она пришла в полный восторг.

Запертый в огромной клетке, зверь глядел исподлобья и тихо, угрожающе порывкивал, время от времени яростно нахлёстывая себя по бокам хвостом.

Лев был цветом в песок, как поблекшее солнце. Даже глаза янтарные, словно отблеск угасающего пламени.

Зачарованная, она приблизилась к нему слишком близко и едва успела отскочить, когда зверь вскочил и, с оглушительным рёвом, внезапно ударил когтистой лапой по металлическим прутьям. От немереной силищи, казалось, металл покорёжится или сломается. Он выдержал, но всё равно было страшно.

– Не подходи слишком близко, – предупредил отец. – Чтобы укротить зверя, нужно просто смотреть ему в глаза, показывая, кто здесь главный. Знаешь, откуда зверь черпает силы?

– От когтей и клыков? – попыталась догадаться Айрис.

– Из страха жертвы. Сумеешь внушить врагу страх – и ты уже наполовину победитель. Лев обычно смотрит в глаза своей добыче пока она издыхает. А жертва видит не льва – она видит свою смерть. И свой страх.

Я подарил тебе эту кошку, дочка, чтобы ты научилась смотреть в глаза смерти и бороться со страхом. Но, играя со смертью, помни – никогда не приближайся к ней слишком близко. Оставляй зазор, чтобы она не сумела достать тебя своей когтистой лапой.

Глядя на Дойла Райана Айрис с щемящей болью вспомнила о Призраке – так она назвала подарок отца.

Лучше бы не называла. Существует поверье, что как живое существо назовёшь, так судьбу ему наречёшь. Айрис суверена была не более, чем сентиментальна, но в случае со львом всё сбылось.

Она любила его. Кормила всегда сама, как и учил отец. В её сердце Призрак занимал больше места, чем иные люди. Но однажды зверь сорвался с повадка. И тогда Айрис воочию убедилась в том, насколько отец был прав.

Лев оказался настоящей машиной для убийства. Ни следа любви или привязанности. Диких кошек никогда невозможно приручить до конца.

Пришлось пристрелить его. У неё просто не оставалось выбора. Вернее, выбор был, но стоял ребром – она либо Призрак. Айрис выбрала себя. Его когти не дотянулись до неё всего каких-то несколько жалких футов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.